

КРИТЕРИИ СУДЕБНОЙ ПОДВЕДОМСТВЕННОСТИ

Большинство исследователей к общим критериям подведомственности относят наличие спора о праве, его характер и субъектный состав, а также наличие договора о третьей форме урегулирования правовых конфликтов.

Данные взгляды имели под собой веское обоснование, так как рассмотрение экономических дел осуществлялось хозяйственными судами, образующими самостоятельную ветвь судебной власти. Вместе с тем в 2013 г. было предусмотрено объединение Верховного суда и Высшего хозяйственного суда в единый высший судебный орган — Верховный суд; переименование хозяйственных судов в экономические суды и отнесение их к системе судов общей юрисдикции, возглавляемой Верховным судом. Очередным шагом в реформировании явилось внесение изменений в Конституцию на референдуме 27 февраля 2022 г., исключающих Высший хозяйственный суд из системы судебных органов и предусматривающих руководство судами общей юрисдикции Верховным судом (ст. 1121). Данные обстоятельства являются причинами для пересмотра идеи о характере спора и субъектном составе как критериях подведомственности. В настоящее время они реализуют предназначение подсудности. Заслуживают внимания идеи Т. С. Тарановой: «Для достижения согласованности правил гражданского процессуального и хозяйственного процессуального законодательства его предлагается дополнить положениями о предметной подсудности, разграничивающей подсудность судов и экономических судов исходя из критериев правовой природы спора и состава сторон спора», — отмечает она [1, с. 310]. Представляются утрачивающими значение словосочетания «подведомственность дел судам, рассматривающим экономические дела», «подведомственность дел иным судам общей юрисдикции»; корректными представляются «подведомственность дел судам», «подведомственность дел судам общей юрисдикции».

Заслуживает внимания идея об отнесении к критериям подведомственности характера оспариваемого акта — нормативный или ненормативный. К подведомственности судов относятся дела о признании недействительным ненормативного правового акта государственного органа, органа местного управления и самоуправления, иного органа или должностного лица, которым затрагиваются права и законные интересы заявителя в сфере экономической деятельности (ст. 42 ХПК). Оспаривание нормативных актов не предусмотрено.

В качестве специальных критериев предлагается рассматривать соблюдение претензионного и иного досудебного порядка урегулирования конфликта. Идея вызывает сомнения: 1) применение медиации и претензионного порядка является обязательным для урегулирования по общему правилу большинства экономических дел. Не запрещено их применение для урегулирования иных гражданских конфликтов. Отнесение медиации и претензионного порядка к специальным критериям имеет не более веские основания, чем к общим; 2) независимо от того, предусмотрен досудебный порядок урегулирования конфликтов или нет, данные дела не исключаются из круга дел, подведомственных судам. В то же время обращение в суд связывается не только с его соблюдением, но и со всеми условиями, которые перечислены, в частности в ст. 163 ХПК, ст. 246 ГПК. Требованию о соблюдении досудебного порядка законодатель придает значение условия реализации права на обращение в суд.

Полагаем, что к критериям подведомственности следует относить: наличие (отсутствие) спора о праве; наличие (отсутствие) договора о третьей форме урегулирования конфликтов; характер оспариваемого акта (нормативный или ненормативный), наличие (отсутствие) исключения из общих правил, установленного законодательством.

Источник

1. Таранова, Т. С. Подведомственность и подсудность гражданских дел / Т. С. Таранова // Экономический рост Республики Беларусь: глобализация, инновационность, устойчивость : материалы IX Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 19–20 мая 2016 г. : в 2 т. / Белорус. гос. экон. ун-т ; редкол.: В. Н. Шимов (отв. ред.) [и др.]. — Минск, 2016. — Т. 2. — С. 309–310.

*Н. В. Синяевская, аспирант
nata-msk@lenta.ru*

Академия управления при Президенте Республики Беларусь (Минск)

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ СЛИЯНИЙ И ПОГЛОЩЕНИЙ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Термин «слияние и поглощение» (M&A) активно используется в экономических и правовых источниках Республики Беларусь, а упоминания на осуществление таких сделок в нашей стране постоянно появляются в различной литературе. Как правило, в экономической науке под этими сделками понимается приобретение активов другого собственника, установление контроля над другой организацией, создание интеграционных образований.

Вместе с тем в правовой литературе термин слияния имеет несколько другой, узконаправленный смысл и, в соответствии с п. 1 ст. 53 Гражданского кодекса Республики Беларусь, является одним из пяти форм реорганизации юридического лица, среди которых термин «поглощение» отсутствует. При этом в правовой литературе вообще не содержится определение понятия «поглощение».

Такое неоднообразное содержание слияний и поглощений в правовой и экономической литературе порождает множество проблем не только с позиции толкования законодательства, но для формирования бизнес-этики, квалификации рейдерства, регулирования корпоративных правоотношений, а также отнесения тех или иных сделок к ограничениям, предусмотренным антимонопольным законодательством.

Например, осуществление сделок по слиянию двух государственных предприятий *A* и *B* с точки зрения права является сделкой по слиянию, поскольку в результате такой реорганизации предприятий одинаковой организационно-правовой формы появляется новая организация *C* по формуле $A + B = C$. Вместе с тем данная сделка не может являться слиянием в ее экономическом понимании, поскольку собственником организаций *A*, *B* и *C* было и остается государство. Следует понимать, что в результате совершения сделки по слиянию как реорганизации государство не приобретает чужих активов, а лишь перераспределяет свои.

Двойственность понимания «слияний и поглощений» с точки зрения права и экономики нуждается в единообразном и однозначном правовом регулировании данных сделок с целью формирования понятного аппарата, критериев отнесения к указанным сделкам, а также недопустимости двойного толкования в правоприменительной практике.